

Хвარიцкия Л.Д.

Магистр

«филологический факультет»

Российский университет дружбы народов

Россия, г. Москва

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС 60–70-Х ГОДОВ XX ВЕКА

***Аннотация:** В статье анализируется творчество русского писателя С. Д. Довлатова в контексте литературного процесса 60–70-х годов XX века. Делается попытка ответить на вопрос: почему долгое время, вплоть до развала Советского Союза, проза Довлатова была закрытой страницей в русской литературе? Описываются жанровые и художественные особенности прозы Довлатова. В заключение говорится о том, что жизнь Довлатова в 60–70-е годы в Советском Союзе, литературный процесс этого периода, на который выпало начало его писательского пути, не могли не оставить отпечатка на его прозе. Что мы в результате и можем наблюдать, так как именно этими событиями обусловлен особый стиль и тематика довлатовских произведений.*

***Ключевые слова:** Довлатов, андеграунд, официальная литература, «Самиздат», «Тамиздат», «новый автобиографизм», стиль.*

***Annotation:** The article analyzes the work of the Russian writer S. D. Dovlatov in the context of the literary process of the 60- 70-ies of the twentieth century. Why for a long time, until the collapse of the Soviet Union, Dovlatov's prose was a closed page in Russian literature? The article describes the genre and artistic features of Dovlatov's prose. The conclusion says that the life of Dovlatov in the 60-70s in the Soviet Union, the literary process of this period, at*

which the beginning of his writing path fell, could not help but leave an imprint on his prose. What we can observe as a result, since it is precisely these events that determine the particular style and theme of dovlatov's works.

Key words: *Dovlatov, underground, official literature, «Samizdat», «Tamizdat», «new autobiography», style.*

Творчество Сергея Донатовича Довлатова сегодня весьма актуально, его проза многократно экранизирована, изучается в школах и высших учебных заведениях, является частым объектом исследования. Довлатова признают самым читаемым советским писателем второй половины XX века. Это объясняется тем, что долгое время, вплоть до развала Советского Союза, проза Довлатова была закрытой страницей в русской литературе. В СССР он был под запретом из-за публикации в зарубежных изданиях. На этой почве за писателем установил слежку КГБ, в 1978 году ему пришлось уехать в США. Жизнь в Нью-Йорке для прозаика складывалась намного лучше, чем на родине, он работал на радио «Свобода», занимал должность главного редактора газеты «Новый американец», удостоился чести публиковаться в журнале «Нью Йоркер». Следует отметить, что до Довлатова в названном журнале из русских авторов публиковали лишь Набокова.

С. Д. Довлатов большую часть своей жизни проработал журналистом в различных советских изданиях, именно поэтому в литературе он признавал за собой место рассказчика: «... всю свою жизнь я рассказываю истории, которые я либо где-то слышал, либо выдумал, либо преобразил» [2, с. 89]. К тому же проза Довлатова в большинстве своем строится на рассказе историй о его собственной жизни. В силу чего малые по форме произведения писателя вызывают у читателя доверие к рассказчику, описываемые в них события воспринимаются как реально произошедшие. Эта особенность довлатовской прозы позволила писателю стать основателем одного из течений постреализма, именуемого в литературе «новым автобиографизмом».

У вас может возникнуть вопрос, в чем заключается суть понятия «новый автобиографизм»? Дело в том, что Довлатов преобразует автобиографические сведения в анекдотические притчи, ведущим элементом которых становится ирония. Посредством анекдота писатель стремился показать абсурдность окружающей его действительности, зачастую подвергая осмеянию самого себя. По словам литературоведа И. Сухих: «Довлатов-литератор начинается с анекдота» [13, с. 41]. Но, по замечанию самого Довлатова: «Юмор... – не цель, а средство, и более того, – инструмент познания жизни: если ты исследуешь какое-то явление, то найди – что в нем смешного, и явление раскроется тебе во всей полноте» [13, с. 41]. Юмористическое начало в прозе Довлатова обладает отличительным свойством, тесно переплетаясь с пониманием «смеха сквозь слезы». Как отмечает литературный критик А. Арьев: «Смеются там, где плачут. Это не притча о дураке, перепутавшем похороны со свадьбой. Это содержание и смысл прозы Сергея Довлатова, одного из умнейших прозаиков последнего времени. Все его «смешные истории» рассказаны для людей, знающих, что такое «незримые, невидимые миру слезы» [1].

Читая произведения Довлатова, мы, следуя за рассказчиком, от страницы к странице все больше узнаем о жизни самого автора. Так, например, непродолжительная студенческая жизнь Довлатова, исключение из университета и служба в зоне особого режима открываются нам на страницах повести «Зона»; первые произведения писателя, общение с И. Бродским запечатлены в «Невидимой книге»; о жизни Довлатова в Таллине и работе в партийной газете «Советская Эстония» мы узнаем из цикла «Компромисс»; многочисленные и неудавшиеся попытки печататься в советских издательствах и журналах, работа экскурсоводом в Пушкинском заповеднике предстают в повести «Заповедник»; жизнь Довлатова в эмиграции описывается в повестях «Филиал», «Иностранка».

Творческий путь Довлатова начинается с конца 60-х – начала 70-х годов прошлого века. Это время знаменуется тем, что столь непродолжительные

хронологические рамки сумели объединить в себе две переломные «эпохи» в социальном и культурном развитии страны: «Оттепели» и «Застоя». «Хрущевская оттепель» послужила предтечей к появлению ряда инакомыслящих людей среди советских граждан – явления, определяемого в политике как диссидентство, а в литературе – андеграунд. Но «Оттепель» миновала так же быстро, как и наступила, на смену ей пришли «Заморозки», иначе «Эпоха Застоя». Такое определение данного исторического отрезка времени говорит само за себя, литература этого периода вынуждена была подчиняться государственной политике, возобновляются аресты литераторов и других представителей искусства. Поэтому многие талантливые художники слова, не захотевшие подчиниться царившей идеологии, оказались за пределами официальной литературы. Эти события приводят к возникновению новой культурной реальности – андеграунда («другой культуры»), представители которой вынуждены были творить в подполье. По признанию Льва Рубинштейна, одного из яркого приверженца андеграунда: «Советская власть в семидесятые годы поставила нас в исключительно благоприятные условия, определив свою зону, определив и нашу зону. Само собой разумелось, что тот, кто не официальный, автоматически заслуживает внимания. И уже внутри неофициального мира – официальный мы вообще не рассматриваем – строились собственные иерархии, давались оценки. Здесь тоже была эстетическая борьба, свои ретрограды и новаторы. Но разговор происходил на одном языке, потому что была общая энергия отказа» [12, с. 177–178]. Довлатов позже скажет: «Я уже тогда знал о существовании так называемой второй культурной действительности. Той самой действительности, которая через несколько лет превратится в единственную реальность...» [13, с. 16].

В связи с этим советская литература рубежа 60–70-х годов занимает две основополагающие позиции – официальную и неофициальную. По воспоминаниям Довлатова, он не оставлял попыток для официального

вхождения в литературу: «Я писал, ходил по редакциям, всех знал и даже среди не печатающейся ленинградской молодежи считался сравнительно удачливым. Я помню, как один менее преуспевающий автор, мой приятель, говорил: «Ну что тебе жаловаться? С тобой даже в «Авроре» здороваются!» [13, с. 16]. Но Довлатов обладал собственным мировоззрением, своим особенным стилем, который не совпадал с идеологией официальной литературы. В результате у прозаика не оставалось выхода, кроме как примкнуть к подпольной литературной среде.

Вполне естественно, что писателям, входившим в неофициальную литературу, хотелось быть услышанными, и для этого существовал лишь один путь: «Пишем сами. Издаемся сами» [3, с. 40], – подводит итог Довлатов. Так начинается свое существование «Самиздат», лозунгом которого становится – «прочитал сам – передай другому». Довлатов по этому поводу напишет: «...к этому времени хрущевская оттепель миновала. Начались заморозки. На месте отцветающей прогрессивной литературы расцвел самиздат» [3, с. 40]. Однако у представителей андеграунда существовал еще один способ печататься, и им был «Тамиздат» – публикация произведений советских писателей за границей. Не стала исключением и проза Довлатова. В 1977 году его рассказы печатаются в журналах «Тамиздата»: «Континент», «Время и мы». Также издательство «Ардис» публикует его повесть «Невидимая книга». Вспоминая эти события, Довлатов напишет: «Скажу без кокетства: издание этой книги тогда значило для меня гораздо больше, чем могла бы значить Нобелевская премия – сейчас. В моей жизни появился какой-то смысл, я перестал ощущать себя человеком без определенных занятий» [4, с. 6–7].

Несмотря на то, что у подпольных авторов была возможность о себе заявить, все же сложившиеся для них условия жизни не позволяли открыто размышлять о назначении литературы в современном им обществе. Официальные власти создавали видимость культурной жизни, печатались книги, которые укладывались в рамки, указанные партией, звучала

соответствующая музыка, выставлялись определенные произведения живописи. Но не существовало той самой «здоровой конкуренции», поэтому никто не мог знать своей ценности. Все-таки какой-то оценочный критерий существовал: что не признавалось официально, становилось гениальным. Довлатова невозможно однозначно причислять к этой гениальной среде: «В Союзе я диссидентом не был. (Пьянство не считается.)» [5, с. 42]. Его творчество стоит «особняком» в постреалистической литературе второй половины XX века, к тому же, как упоминалось выше, писатель стал основоположником нового литературного течения. О Довлатове говорят, что он: «фактически принадлежал к поколению промежутка. Для официальной самореализации краткосрочной оттепели ему не хватило, а к подпольному существованию он в начале застоя ещё не был готов» [9, с. 62]. По признанию самого прозаика, он лишь стремился «рассказать о том, как живут люди» [8, с. 46]. Именно поэтому Довлатов долго не мог понять, почему советские издательства не печатают его: «...и наконец, понял. То, о чем я пишу, не существует. Власти притворяются, что этой жизни нет» [3, с. 40]. Вследствие чего основным назначением своего творчества прозаик считал восстановление нормы: «Я пытаюсь вызвать у читателя ощущение нормы. Одним из серьезных ощущений, связанных с нашим временем, стало ощущение надвигающегося абсурда, когда безумие становится более или менее нормальным явлением» [2, с. 93]. В «Заповеднике» Довлатов пишет: «Я шел и думал – мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда» [6, с. 146]. Нельзя сказать, что писатель желал что-то навязать своему читателю или же выступал в роли проповедника. Напротив, Довлатов правдиво отображает людей, события, атмосферу того периода советской действительности, называемого «эпохой застоя». В данном отношении очень точно высказывание литературоведа Льва Лосева: «Если писатель – художник и только, тогда ни вера, ни знания, ни интеллектуальные способности не приходят ему на помощь. Все, что имеется в его распоряжении, – это жизнь,

которой он живет, и слова. Довлатов принадлежал к этой относительно редкой породе писателей» [10].

В своем творчестве Довлатов продолжает литературные традиции, заложенные А. П. Чеховым, который утверждал: «Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай» [14, с. 12], что вполне соотносимо с тем, как жил и творил Довлатов. Изображая социализм в форме национального абсурда, Довлатов показал, что абсурдна не только советская, но любая политизированная жизнь. По словам Андрея Арьева: «Любители отождествлять искусство с действительностью вдоволь смеются или негодуют, читая довлатовскую прозу. И эта естественная обыденная реакция верна – если уж и по Довлатову не почувствовать абсурда нашей жизни, то нужно быть вовсе к ней глухим и слепым» [1].

Любой писатель, вступая на тернистый творческий путь, желает выработать собственную и неповторимую манеру письма, свой стиль, то самое, что отличало бы его от остальных собратьев по перу. И лишь те немногие, кому удавалось решить эту непростую задачу, прочно закрепляли свои имена в ряду истинных мастеров слова своей эпохи. Один из лучших прозаиков второй половины XX века Ф. А. Искандер отметил: «Наличие собственного стиля, собственного почерка писателя неизменно делает правдой любую его фантазию. Отсутствие собственного стиля неизменно делает пустой фантазией любую его правду» [7, с. 3–4]. Если учесть это высказывание, то мы можем утверждать, что Довлатов обладал собственным и неповторимым почерком, который «делал правдой любую фантазию писателя», так как его проза строится на тесном переплетении реальности и вымысла. С этим соглашался и сам Искандер, который считал, что: «Сергей Довлатов выработал свой почерк, который никогда не спутаешь ни с чьим. Он пишет просто и целомудренно. Кажется, нельзя придумать фразы, которая была бы проще той, что создает он. Только движение души достойно слова,

только это стоит делать искусством» [15]. Но преобладающий индивидуализм и нежелание жить по указу других, когда Сергей Довлатов прокладывал свой путь в литературу, не мог увенчаться успехом. Талантливый писатель вынужден был творить в подполье, из которого Довлатову все же удалось выбраться, но, к сожалению, став жителем Нью-Йорка: «Я уехал, чтобы стать писателем... Если бы меня печатали в России, я бы не уехал» [11].

В заключение мы можем прийти к выводу, что жизнь Довлатова в 60–70-е годы в Советском Союзе, литературный процесс этого периода, на который выпало начало его писательского пути, не могли не оставить отпечатка на его прозе. Что мы в результате и можем наблюдать, так как именно этими событиями обусловлен особый стиль и тематика довлатовских произведений.

Использованные источники:

1. Арьев, А. История рассказчика // Вступительная статья к Собранию сочинений Сергея Довлатова в 4-х томах. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/index.html> (дата обращения: 02. 02. 2022).
2. Глэд, Д. Беседы в изгнании / Д. Глэд. // Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. – 320 с.
3. Довлатов, С.Д. Блеск и нищета русской литературы / С.Д. Довлатов // Сборник. СПб.: Азбука, 2010. – 179 с.
4. Довлатов, С.Д. Памяти Карла Проффера // Семь дней. – 1984. – № 48. - С. 4–7.
5. Довлатов, С.Д. / С.Д. Довлатов. Марш одиноких. СПб.: Азбука, 2016. – 160 с.
6. Довлатов, С.Д. Заповедник / С. Д. Довлатов. СПб.: Азбука, 2002. – 160 с.

7. Искандер, Ф.А. Эссе и публицистика // Родная земля. Рассказы, пьеса. Сухум. 1962. [Электронный ресурс]. URL: <http://apsnyteka.org/> (дата обращения: 03. 02. 2022).
8. Игошева, Т.В. Современная русская литература / Т.В. Игошева. Великий Новгород. Министерство образования Российской Федерации, 2002. – 118 с.
9. Ковалова, А., Лурье, Л. Довлатов / А. Ковалова, Л. Лурье. СПб.: Амфора, 2009. – 441с.
10. Лосев Л. В. Русский писатель Сергей Довлатов // Русская мысль. – 1990. – № 3843. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/index> (дата обращения: 04.02.2022).
11. Писатель в эмиграции // Слово — Word. – 1991. – № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/index> (дата обращения: 04.02.2022).
12. Рубинштейн, Л. С. Вопросы литературы // Дружба народов. – 1977. – № 6. - С. 170–178.
13. Сухих, И. Н. / И. Н. Сухих. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Азбука, 2010. – 288 с.
14. Чехов, А. П. Записные книжки. Дневники. Т. 17. М.: Наука, 1979. – 209 с.